

Подлинная стойкость духа. Новая книга о блокаде Ленинграда*

Бывают темы, которые «не отпускают» исследователя на протяжении всей жизни, даже если его профессиональные интересы в силу ряда обстоятельств перемещаются в иную сферу. Известный учёный доктор исторических наук профессор Санкт-Петербургского государственного университета Геннадий Леонтьевич Соболев по праву считается создателем школы историков русских революций и Гражданской войны. Свидетельство тому – сотни его учеников во многих городах России и бывшего СССР. Вместе с тем Г.Л. Соболев – признанный специалист, опубликовавший десятки работ, посвящённых Великой Отечественной войне. Выжив семилетним ребенком в осаждённом фашистами Ленинграде, он, как никто другой, имел право на создание собственной «блокадной книги» историка. Несмотря на то, что к середине 1990-х гг. исследователями этой темы было опубликовано свыше 400 монографий, а за последующие годы число публикаций о блокаде Ленинграда увеличилось более чем на 250 наименований, проблема не потеряла своей остроты и актуальности.

Обратившись к истории блокады на рубеже 1950–1960-х гг. и став автором ряда крупных работ о ней¹, Г.Л. Соболев, казалось бы, уже выполнил свой долг перед отцом, погибшим на Ленинградском фронте в 1943 г., и матерью, сумевшей спасти его с братом от голодной смерти, перед блокадными одноклассниками и учителями, перед всеми павшими в годы войны ленинградцами...

Однако воспоминания о блокаде накладывали свой отпечаток на научное творчество Геннадия Леонтьевича и в последующие годы². Итогом многолетних научных изысканий, обобщений, скрупулёзного анализа литературы и источников стала новая книга, посвящённая подвигу

ленинградцев, не только переносивших лишения блокадной жизни, но и действовавших, работавших, учившихся. Автор даёт свои ответы на вопросы, поставленные в новейшей исторической литературе: какие причины привели к длительной блокаде Ленинграда? Кто несёт ответственность за выпавшие на долю ленинградцев страдания? Почему не удалось деблокировать город в 1941–1942 гг.? Каковы были взаимоотношения между властью и населением в критические месяцы блокады? Каковы оказались реальные потери мирного населения от голода и лишений?

Г.Л. Соболев предпочёл синхронизированное изложение событий в блокадном кольце и за его пределами по месяцам – каждому месяцу первого года блокады посвящена отдельная глава книги. Такой подход позволил во всей драматичности и трагичности отразить жизнь города-фронта в самое сложное время. Одновременно с этим используется приём, к которому в последние годы прибегает всё большее число авторов: классический монографический стиль изложения материала сопровождается публикацией документов, размещённых в конце каждой главы и раскрывающих комплекс вопросов, освещённых в тексте. Такой метод исследования при анализе истории блокады вполне оправдан. В результате читатель получает возможность не только проследить за ходом излагаемых событий, но и самостоятельно, опираясь на источник, сделать выводы, увидеть нервозность высшего политического руководства страны и беспечность ленинградского партийного аппарата, не сумевшего в полной мере организовать своевременную эвакуацию жителей города и его промышленности, оценить планы НКВД по «зачистке» Ленинграда и избавлению его от «неблагонадёжных» групп населения, и т.д.

* Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая. Июнь 1941 – май 1942. СПб.: СПбГУ, 2013. 696 с.

Обращаясь к первым главам книги, читатель непременно обратит внимание на то обстоятельство, что их автор – непревзойдённый знаток не только советской, российской, но и зарубежной литературы, посвящённой блокаде Ленинграда. Его характеристика документов, опубликованных в многочисленных сборниках, точна и высокопрофессиональна. Особое значение автор придаёт дневникам – важнейшему источнику для понимания психологии поведения и выживания ленинградцев в экстремальных условиях блокады. Говоря о потенциальных возможностях для дальнейшей разработки проблемы, Г.Л. Соболев указывает на то, что до сегодняшнего дня исследователи недостаточно использовали фотографии, длительное время подвергавшиеся цензуре. Так, из 30 тыс. снимков блокадного времени разрешено было опубликовать только 7 132. Не ограничиваясь анализом вопросов, поставленных в книге, автор стремится выявить позитивные и негативные факторы, влиявшие на исход сопротивления жизни и смерти в блокированном Ленинграде.

Нескольким ключевым сюжетам в книге Г.Л. Соболева уделено особое внимание. Один из них – смертность населения во время блокады. Голод первой блокадной зимы невозможно объяснить лишь бомбёжкой Бадаевских складов 8 сентября 1941 г. Изучение проблемы длительное время осложнялось тем, что документы о массовой смертности ленинградцев содержались под грифом «совершенно секретно». Впервые исследователи начали писать об этом в середине 1960-х гг. Немалого мужества стоило ленинградским историкам В.М. Ковальчуку и Г.Л. Соболеву опубликовать в 1965 г. данные, отличавшиеся от официальных и свидетельствовавшие о гибели в осаждённом городе не менее 800 тыс. человек³. Потерям среди мирного населения города Соболев посвятил также ряд своих более поздних публикаций⁴.

Масштабы смертности среди жителей города вновь стали активно обсуждаться лишь со второй половины 1980-х гг. Некоторые авторы и издания приводили тогда «объективные» данные, будто бы отражающие «реальный» уровень смертности в

блокированном городе (от 1.2 до 2 млн человек), основываясь лишь на материалах треста «Похоронное дело». Между тем в своей книге Г.Л. Соболев показывает, что полагаться на эти цифры нельзя. Случалось, что при перевозке погибших и умерших к местам захоронений бригады грузчиков и шофёров (работавших по «прогрессивной оплате труда» – за каждую сделанную сверх установленной нормы поездку им выдавалось дополнительно 50 г водки и 100 г хлеба) занимались приписками, механически увеличивая количество перевезённых трупов. Контрольные проверки, проведённые весной 1942 г., подтвердили это со всей очевидностью.

Жертвы первых бомбёжек и обстрелов опознавались лишь на 80–85%. В соответствии с приказом местной противовоздушной обороны Ленинграда от 20 октября 1941 г. бойцы этих команд должны были учитывать «количество пострадавших – раненых и убитых – из населения города и списочный состав раненых и убитых из состава участковых, объектовых команд и групп самозащиты жилых домов, с указанием условий, при которых ранен (убит) боец или командир». В обязанности медико-санитарной службы тогда тоже не входил поимённый учёт погибших⁵. Деятельность органов ЗАГС, сотрудники которых сами испытывали на себе все тяготы блокады, и материалы районных комиссий, занимавшихся определением ущерба, нанесённого городу войной и блокадой, также не позволяют с исчерпывающей полнотой назвать количество погибших ленинградцев. Нельзя не согласиться с Г.Л. Соболевым, отмечая, что в условиях блокадной зимы 1941/42 г. не было никакой возможности вести точный подсчёт умерших и погибших под бомбёжками.

Реконструируя хронику первого, наиболее трагического, года блокады, Г.Л. Соболев отдаёт должное усилиям партийного руководства Ленинграда, которое, несмотря на многочисленные ошибки и просчёты довоенного времени и начального этапа войны, предпринимало отчаянные попытки улучшить положение населения. Вместе с тем автор приводит и другие факты, которые редко встре-

чались в историографии прошлых лет. Так, осенью 1941 г. в условиях экономии продовольствия ленинградское руководство принимало постановления, согласно которым «для закрытых учреждений общественного питания» выделялась «непропорционально высокая доля мяса и жиров» по сравнению с тем, что должно было получить население Ленинграда и пригородов. У автора книги нет сомнений в том, что руководящие работники города снабжались продовольствием лучше, чем обычные граждане, и для них трагедия ленинградцев виделась лишь как «временные трудности». Между тем алиментарная дистрофия, вошедшая в историю медицины под названием «ленинградской болезни», стала известна жителям города уже в ноябре 1941 г. К этому же времени Г.Л. Соболев относит резкое падение авторитета Смольного. Он не обходит молчанием и безрассудные шаги, предпринимавшиеся руководством города, в частности, начало эвакуации в конце декабря 1941 г. «походным порядком» через Ладожское озеро беженцев, оказавшихся в блокированном городе. Характерно, что некоторое улучшение организации продовольственного снабжения в феврале 1942 г. часть ленинградцев связывала с распространявшимися слухами (фиксированными Управлением НКВД) об отстранении от должности и даже расстреле «за вредительство» председателя Исполкома Ленгорсовета П.С. Попкова. Правда, некоторые современные исследователи полагают, что зафиксированные тогда же положительные отзывы о деятельности Попкова «свидетельствовали о доверии и уважении большинства ленинградцев к Петру Сергеевичу»⁶.

Г.Л. Соболев неоднократно подчёркивает особое отношение Сталина к Ленинграду. При этом, однако, складывается впечатление, что военное и политическое руководство страны далеко не всегда отдавало себе отчёт в реальном положении вещей. Уже осенью 1941 г. войска Ленинградского фронта и части Балтийского флота оказались в тяжелейшей ситуации – они несколько раз испытали снижение норм выдачи продовольствия и постоянно ощущали нехватку вооружения. В то же время вся военная продукция, производившаяся

ленинградцами с невероятным напряжением сил, направлялась на другие фронты, а центр настойчиво требовал снятия блокады города. Результатом становились малоподготовленные в военном отношении попытки прорыва вражеского кольца, которые неоднократно предпринимались в 1941–1942 гг. и вели к огромным потерям.

Автор указывает на то, что Сталин первоначально скептически отнёсся к созданию «Дороги жизни» и попыткам доставки в осаждённый город продовольствия через Ладожское озеро, назвав реализацию этой идеи «малонадёжным делом». Современному историку, анализирующему ситуацию, которая сложилась тогда под Ленинградом, трудно понять подписанное 27 декабря 1941 г. В.М. Молотовым, Г.М. Маленковым и А.И. Микояном распоряжение об отзыве самолётов «Дуглас», доставлявших продовольствие в голодающий город, и отправке их на другие участки советско-германского фронта. От начальника ледовой трассы высшее руководство потребовало к 31 декабря направить в распоряжение Верховного главнокомандования два автотракторных батальона, что практически превращало «Дорогу жизни» в дорогу смерти. Власть декларировала хлебную прибавку с 25 декабря 1941 г., но при этом оставляла город без средств доставки... В результате этих действий в течение двух недель января 1942 г. Ленинград не получал никаких продуктов, кроме муки. И даже начавшийся 16 января завоз в город продовольствия проходил в размерах, не обеспечивавших отоваривания карточек населения суррогатным хлебом.

Важнейшая тема исследования Г.Л. Соболева, проходящая через всю его книгу, – стойкость духа, помогавшая людям противостоять смерти и в конечном итоге преодолеть её. Перед читателем – страшные месяцы блокады, бесформенные груды мёртвых тел в районе Пискаревки, но это не «записки из мёртвого города». В книге явственно представлены мечты умирающих людей о прекрасном будущем. Но прекрасно оно вовсе не потому, что доверху переполнено картошкой, хлебом и подсолнечным маслом. Ленинградцы даже в этих невероятных условиях демонстрировали высокие нравственные

качества, выражавшиеся в человеческом отношении не только к своим близким, но и к соседям, просто незнакомым людям. Выжить в городе на блокадный паёк было невозможно! Людей спасали выдержка, организованность, взаимная доброжелательность, оптимизм, желание работать и жить. Моральный фактор, как справедливо отмечает Г.Л. Соболев, становился главным катализатором жизненных сил ленинградцев.

Особое звучание данной работе придаёт то, что её автор сохранил врезавшиеся в память страницы блокадного детства, которые, по его собственному признанию, он, казалось бы, забыл. «Вернувшись в блокаду», Геннадий Леонтьевич не только сам испытал потрясение не менее сильное, чем в детстве, но и сумел донести это ощущение до читателя. Он был свидетелем неподдельного счастья ленинградцев, узнавших 25 декабря 1941 г. о крошечной прибавке хлеба; видел плитки столлярного клея, оставшиеся от ушедшего на фронт отца, и спасшие его семью от голодной смерти; запомнил чудесное спасение матери, которая едва не стала жертвой группы бандитов, охотившихся за продовольственными карточками...

Не желая затушевать многочисленные трудности блокадного города, Г.Л. Соболев поставил в своей книге комплекс вопросов, считавшихся когда-то «неудобными» для изучения. В частности, он пишет о «чёрном рынке», где орудовали спекулянты и расхитители, осуществлявшие криминальное перераспределение продовольственных ресурсов города. За продукты и папиросы перекупщики приобретали ценные вещи – шубы, обувь, часы, предметы старины. Публикуемые в книге документы приоткрывают тайну и над другой болезненной темой, писать о которой до последнего времени было нельзя, – людоедством, искоренением которого в заблокированном городе занимались соответствующие структуры⁷. На протяжении войны, несмотря на отсутствие в Ленинграде сколько-нибудь значительного сопротивления властям, за жителями осуществлялся негласный контроль со стороны Управления НКВД, изучалась реакция горожан на те или иные решения партийного руководства. С 22 июня до конца

октября 1941 г. в городе за «контрреволюционную деятельность» были арестованы 3 374 человека. В отчаянных условиях блокады фальсифицировались «дела», на гибель отправлялись сотни людей, в том числе талантливые учёные, которые могли принести пользу городу и стране.

Завершая свою книгу, посвящённую подвигу Ленинграда, Г.Л. Соболев повествует об истории создания документального фильма, замечательного по своей остроте, трагичности и героизму. На его предварительном просмотре 17 апреля 1942 г. присутствовало всё ленинградское руководство – А.А. Жданов, А.А. Кузнецов, П.С. Попков. Их вердикт был однозначен: «Впечатление удручающее... Скажут, вот правители, довели народ до такого состояния». Фильм был подвергнут переработке, лишившись многих уникальных кадров. Тем не менее он не только появился на экранах кинотеатров Москвы и Ленинграда в начале июля 1942 г. под названием «Ленинград в борьбе», но и получил Сталинскую премию первой степени за 1942 г. в области хроникально-документальной кинематографии⁸.

На обложке книги Г.Л. Соболева, изданной в канун 70-летия окончательного снятия блокады Ленинграда, воспроизведена знаменитая картина К.С. Петрова-Водкина «Петроградская мадонна»: мать, держащая на руках ребенка, полна тревожного предчувствия в ожидании враждебной стихии... Оформление книги, как нам представляется, на редкость удачно отражает её содержательную часть. Труд известного исследователя мог бы стать замечательным подарком не только для ленинградцев, переживших вражескую осаду города, но и для историков. Однако издательство Санкт-Петербургского университета решило выпустить его в свет тиражом 300 экземпляров, чем сразу же превратило в библиографическую редкость.

М.В. Ходяков

Примечания

¹ Соболев Г.Л. Учёные Ленинграда в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. М.; Л., 1966; *он же*. Очерки по истории Ленинграда. Т. 5: Период Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Л.,

1967. В этом томе Г.Л. Соболев стал автором глав, посвящённых первым месяцам блокады, ликвидации последствий голодной зимы, укреплению обороны в 1942 г., народному образованию, высшей школе и т.д.

² Соболев Г.Л. Ленинград в Великой Отечественной войне (некоторые итоги и нерешённые вопросы) // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2. 1989. Вып. 1. С. 3–8; *он же*. Собирался ли Сталин сдавать Ленинград? // Ленинградская панорама. 1991. № 6. С. 24–26; *он же*. Блокада Ленинграда: постижение правды // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 72–87.

³ Ковальчук В.М., Соболев Г.Л. Ленинградский реквием (о жертвах населения Ленинграда в годы войны и блокады) // Вопросы истории. 1965. № 12. С. 191–194.

⁴ Соболев Г.Л., Ходяков М.В. Потери Ленинградского университета в годы Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2010. Вып. 2. С. 14–23; Соболев Г.Л. Блокада Ленинграда: от новых источников к новому пониманию // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 70–96.

⁵ ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 3, д. 33, л. 77, 81.

⁶ Амосова А.А. Преданный забвению: политическая биография Петра Попкова. 1937–1950. СПб., 2014. С. 79.

⁷ Архив Информационного центра ГУВД г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области, д. СО-31292, 33179.

⁸ Сталинские премии: две стороны одной медали: Сборник документов и художественно-публицистических материалов. Новосибирск, 2007. С. 751.

В.В. Трепавлов. Сибирский юрт после Ермака. Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Восточная литература, 2012. 232 с.

Новая книга доктора исторических наук, руководителя Центра истории России и межэтнических отношений Института Российской истории РАН В.В. Трепавлова продолжает основные направления его исследований – историю кочевых народов, вошедших в состав России, и их взаимоотношения с Русским государством.

На сей раз объектом внимания учёного стали судьбы сибирского хана Кучума (после его изгнания Ермаком с «сибирского царства») и его многочисленных потомков в XVII в. В историографии существуют темы, к которым исследователи обращаются неоднократно, привлекая новые источники, уточняя фактологию и хронологию событий, предлагая новые интерпретации и концепции. Работа же Трепавлова в буквальном смысле закрывает «белое пятно» в определённой части извечной темы «Руси и Степи» – в Южном Зауралье конца XVI–XVII в.

Разумеется, у рецензируемой книги были свои тематические предшественники. Г.Ф. Миллер, который ввёл в научный оборот немало архивных источников, задал тон в изучении данного вопроса¹. Как верно заметил В.В. Трепавлов, при изучении истории Сибири в первый век её колонизации «татарские участники тех

событий изображаются лишь как необходимый фон “покорения Сибири”» (с. 3). Набеги потомков Кучума, опиравшихся на поддержку калмыков (западных ойратов), на русские поселения рассматривались историками именно с точки зрения успехов или неудач в продвижении военной и земледельческой русской колонизации на юге Западной Сибири. Поскольку военный потенциал калмыков намного превосходил малые и разрозненные силы Кучумовичей, то и в современных исследованиях деятельность «Кучумовых царевичей» (выражение Миллера) оказалась прочно привязана к теме русско-калмыцких (в отдельных случаях русско-башкирских) отношений². Думаю, что не ошибусь, если скажу, что при подобном подходе даже у профессионального историка при чтении соответствующих работ складывается лишь мозаичная (но никак не цельная) картина деятельности и реваншистских замыслов Кучума и его потомков (не говоря уж о трудностях в уяснении генеалогического древа, идущего от Кучума). В рецензируемой монографии акцент смещён. В центре внимания оказались именно степные претенденты на потерянное Кучумом «Сибирское царство» с их родственными связями (с ногами